
КРОВЬ
И ПОВОДОК
ЭВЕЛИН НОРТ
18+

Эвелин Норт
Кровь и поводок

https://litres.ru/74776438
SelfPub; 2026

Аннотация

Её продали за долги.

Его кровь не смогла её сломить.

Илана из рода Иларионовых прибывает в цитадель Дома Кассель не как гостья, а как живой товар. Отец отдал её древнему вампирскому воеводе в уплату долгов, и все ждут, что она сломается в первую же ночь. Но яд Касселя не действует на неё. Боль не туманит разум. Страх не опускает взгляд.

С этого момента между ними начинается опасная игра, в которой нет места жалости. Он считает её своей собственностью. Она превращает эту зависимость в оружие. Каждый укус, каждое столкновение воли, каждый шаг по лезвию делает их ближе — и смертоноснее.

Когда Совет Домов решает уничтожить «дерзкую смертную», а за стенами цитадели начинается война, Илана и Кассель понимают: поводок уже не держит только её. Он связывает их обоих.

Тёмное фэнтези о власти, крови и цене, которую приходится платить за то, чтобы перестать быть добычей.

18+

Содержание

Глава 1. Дар для Дома Кассель 4
Глава 2. Холод стен и оскал челяди 14
Глава 3. Отражение в зеркале боли 36
Глава 4. Тени на мраморе 54
Глава 5. Железо и шелк 79
Глава 6. Багровый шелковый саван и тяжесть взглядов 89
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Эвелин Норт
Кровь и поводок

Глава 1. Дар для Дома Кассель

Дорога к цитадели Дома Кассель пахла озоном, застарелым железом и

смертью.

Я не закрывала глаза всю дорогу. Пыльные стекла кареты с бронированными

решетками позволяли видеть унылые пейзажи серого предгорья, где под

свинцовым небом доживали свой век человеческие поселения-доноры. Меня

везли в качестве живого товара, упакованной в дорогой шелк и обреченной

на бессрочную службу в пасти зверя. Отец заложил меня за долги, которые

росли как раковая опухоль, пока не поглотили весь наш род. Когда

кредиторы из высших кругов ночи потребовали расплаты, фамильный совет не

нашел ничего лучше, чем отдать в уплату старшую дочь.

Я не плакала. Слез не было еще с того момента, как нотариус зачитал

долговую расписку. Осталась только холодная, звенящая пустота внутри и

тяжелая злость, затаившаяся под ребрами, как взведенный курком арбалет.

Карета с грохотом затормозила у подножия массивных базальтовых стен.

Тяжелые ворота замка, испещренные родовыми рунами Касселей, медленно

разошлись в стороны, впуская экипаж во внутренний двор.

Стража встретила меня молчанием. На лицах вампиров в черных мундирах не

было ни праздного любопытства, ни презрения — только абсолютное, ледяное

равнодушие, какое выказывают к скоту, прибывшему на бойню. Двое верзил

молча вытащили меня наружу, грубо подхватили под руки и поволокли по

бесконечным, освещенным лишь факелами коридорам. Готические своды давили

своей тяжестью, эхо шагов отдавалось гулким стуком в висках.

Мне не дали прийти в себя, не позволили перевести дыхание. Тяжелые

дубовые створки личных покоев главы Дома распахнулись с глухим стуком.

Стражники толкнули меня вперед, заставляя споткнуться о каменный пол, и

тут же исчезли за дверью, оставив меня одну в огромном полумраке зала.

— Оставьте, — раздался голос из темноты.

Глухой, ровный, лишенный любых эмоций, он прозвучал так, будто в комнате

тикали механические часы, отсчитывая чужие секунды.

Я распрямилась медленно, с достоинством, заменяющим мне броню. Я

откинула с плеч тяжелую темную накидку и подняла глаза.

В дальнем конце залы, у высокого стрельчатого окна, за которым высилась

черная громада ночных гор, стоял Кассель. Он не сидел в кресле — он ждал

меня. Высокий, безупречно одетый в темный сюртук, подчеркивающий хищную,

опасную грацию его фигуры, он казался частью самого этого замка —

высеченным из камня и холода божеством ночи. На секунду в тусклом свете

блеснули его глаза — пронзительные, темные, с едва уловимым алым отливом

на дне зрачков.

Он не спешил сокращать расстояние. Вместо этого Кассель медленно обошел

массивный письменный стол, не сводя с меня тяжелого, оценивающего

взгляда. В этом взгляде не было вожделения. Была лишь холодная ревизия

имущества.

— Мне докладывали, что у рода Иларионов совсем плохи дела, — проговорил

он, шагая ко мне бесшумно, словно тень. — Но я не думал, что они падут

до торговли собственными детьми. Скажи мне, Илана, твой отец долго

торговался, назначая цену за твою кровь? Или отдал со скидкой, лишь бы

спасти свои рудники?

Каждое его слово было отточено, как стилет. Он бил прямо по больному,

проверяя, сломаюсь ли я от унижения с первых же секунд.

Но я не опустила голову. Я встретила его взгляд в упор, наотмашь, без

единой тени страха. Мое дыхание оставалось ровным, а голос прозвучал

неожиданно твердо, разрезая тишину залы:

— Мой отец — трус и банкрот, который не стоит даже пыли с моих сапог. Но

если ты думаешь, что купил покорную куклу, которую можно трепать за

волосы и выбрасывать, когда надоест, — ты просчитался, Кассель. Я здесь

не по своей воле. И дешево продать свою жизнь я тебе не позволю.

Тишина после моих слов стала физически осязаемой. Воздух в комнате

словно сгустился, превратившись в ледяной кисель.

Кассель замер всего в шаге от меня. На долю секунды уголки его тонких

губ дрогнули в подобии изумления — ни одна человеческая особь за

последние сто лет не смела говорить с ним в таком тоне наедине, в его же

цитадели.

Он резко сократил оставшееся расстояние. Его длинная, холодная рука

метнулась молниеносно, впившись пальцами в мой подбородок и с силой

запрокинув голову назад. Сила вампира была колоссальной — одно движение

могло раздробить кости.

— Смело, — прошипел он совсем близко, его дыхание пахнуло на мою кожу

морозной свежестью и металлическим привкусом чужой крови. — Слишком

смело для той, чей пульс сейчас полностью зависит от моего милосердия.

Ты — вещь, Илана. Моя собственность. И я буду делать с тобой все, что

захочу.

В этот момент он решил продемонстрировать свою власть окончательно. Не

отпуская моего подбородка, Кассель наклонился к моей шее. Его клыки

блеснули в полумраке, удлиняясь от всплеска хищного голода, и впились в

нежную кожу на сгибе шеи с расчетливой, болезненной точностью.

Обычно люди в этот момент теряли волю. Парализующий фермент вампирской

слюны должен был мгновенно затопить мои вены, вырубить сознание,

погрузить в эйфорический туман покорности, превратив гордую девушку в

безвольную куклу.

Кассель сделал первый жадный глоток, ожидая привычного расслабления

жертвы.

Но вместо этого его словно ударило током.

Я не обмякла в его руках. Мое тело налилось свинцовой тяжестью

сопротивления, а в глазах не появилось и намека на туман. Из-за моей

уникальной физиологии яд не подействовал. Я оставалась в абсолютном,

кристальном сознании, чувствуя каждую секунду разрываемой кожи, жгучую

боль и холод чужих клыков, впившихся в мою плоть.

Боль была адской. Но вместо того чтобы закричать или заплакать, я

задохнулась от ярости, вцепившись своими ногтями в лацканы его дорогого

сюртука так сильно, что побелели пальцы. И, глядя ему прямо в

расширенные от неожиданности черные зрачки, я прошептала сквозь

стиснутые зубы:

— Жми сильнее, монстр. Посмотрим, кто из нас захлебнется первыми.

Кассель резко отпрянул от меня, будто обжегшись. На его безупречном лице

впервые проступила тень подлинного, не сыгранного шока. Он медленно

провел тыльной стороной ладони по губам, стирая каплю моей крови, и

посмотрел на меня так, будто видел перед собой не рабыню, а

разорвавшуюся в его руках гранату.

Игра только началась. И правила в ней теперь устанавливали мы оба.

Глава 2. Холод стен и оскал челяди

Удары моего сердца отдавались в звенящей тишине пустой каморки глухими,

тяжелыми толчками, отдавая на корне языка металлическим привкусом желчи

и застарелой пыли. Кассель исчез так же бесшумно, как и появился,

растворившись в собственной тени, оставив меня одну в полумраке его

просторных покоев, пропахших озоном, старой кожей и тлением. Никаких

извинений, никаких разъяснений, даже банального распоряжения для

прислуги — для него я была не более чем сломанной игрушкой, которая

неожиданно оказалась с острыми зубами и собственным мнением.

На сгибе шеи пульсировала жгучая, липкая боль. Я прижала к ране пальцы,

чувствуя на подушечках влагу собственной крови, но даже не поморщилась,

заставляя себя дышать ровно и глубоко. Злость жгла сильнее любых клыков,

заменяя мне и броню, и воздух.

Дверь отворилась спустя полчаса. Без стука, без предупреждения — так

распахивают двери только к себе домой, не считаясь ни с чьим личным

пространством.

В комнату вошла женщина средних лет в строгом, почти монашеском черном

платье горничной, расшитом по воротнику серебряными нитями родового

узора Касселей. Ее седые волосы были идеально, волосок к волоску,

зачесаны назад в тугой пучок, а на лице застыла маска абсолютного,

бездушного почтения, за которой угадывалась многолетняя привычка

смотреть на людей как на расходный материал. В руках она держала тяжелый

железный поднос с остывшей простой едой — куском серого хлеба, солониной

и графином мутной воды — и комплектом грубого серого белья.

— Хозяин распорядился перевести тебя в гостевое крыло для прислуги

высокого ранга, — ее голос прозвучал сухо, без единой нотки тепла,

напоминая скрип несмазанных петель в склепе. — Следуй за мной. И смотри

не отставай. В этих коридорах легко заблудиться, а ночные стражи не

любят потерянных гостей и церемониться с ними не станут. Если отстанешь

— тебя найдут только к утру, и хорошо, если от тебя останется хоть

что-то целое.

Я молча поднялась с кресла, расправила плечи, придавая своему телу

максимальную жесткость, и шагнула за ней, не выказав ни тени страха или

растерянности.

Дорога оказалась бесконечным, изматывающим лабиринтом из сырых каменных

стен, винтовых лестниц, уходящих в непроглядную тьму, и узких переходов,

куда почти не проникал свет чадящих факелов. Замок жил своей скрытой,

ночной, хищной жизнью. Из-за массивных резных дверей, обитых кованым

железом, доносились приглушенные голоса, звон хрусталя, обрывки чужих

интриг, зловещий шепот и редкий, леденящий кровь смех. Нас провожали

взглядами. В каждом коридоре, у каждого поворота за нами наблюдали тени

в черных форменных мундирах. Вампиры низшего звена, младшие слуги,

управляющие и приближенные Дома Кассель. Их глаза ярко сверкали в

полумраке голодным, маслянистым блеском, оценивая меня так, как мясник

оценивает забиваемую тушу на рынке.

— Сюда, — горничная резко остановилась у тяжелой дубовой двери в самом

конце сырого, тупикового коридора, где пахло плесенью и тухлой водой.

Комната за дверью оказалась крошечной, удушливой каморкой, больше

похожей на камеру смертника, чем на жилое помещение. Узкое зарешеченное

окно выходило на отвесную, черную скалу, на которой стоял замок,

полностью отрезая солнечный свет. Никакой роскоши шелка, мягких ковров

или картин — голые, сочащиеся влагой каменные стены, скрипучая железная

кровать с тонким тюфяком и затхлый запах вековой безысходности.

— Ваше новое место, — бросила женщина, с откровенным презрением окинув

меня взглядом с головы до ног, будто я была грязной половой тряпкой. — И

совет на будущее, Илана. Хозяин забавляется с новыми игрушками ровно до

тех пор, пока они молчат, не отсвечивают и не доставляют лишних хлопот.

Но здесь ты никто. Для всех нас ты — просто ходячий сосуд, кошелек с

деликатесом, которому позволено дышать лишь по прямой милости Касселя.

Не пытайся прыгать выше головы, не строй из себя аристократку. Шаг

вправо, шаг влево — и тебя растопчут так, что твой собственный отец даже

костей не найдет.

Она резко развернулась на каблуках и шагнула к выходу, собираясь

захлопнуть тяжелую дверь перед моим носом.

Но я не собиралась сглатывать это унижение. Если позволить им втоптать

меня в грязь в самый первый день, сломать мой моральный хребет на корню,

дальше в этом филиале ада останется только лечь на этот жесткий тюфянг и

ждать собственной смерти.

— Постой, — мой голос прозвучал тихо, но в нем было столько свинцовой

стали и холода, что горничная невольно замерла на пороге, раздраженно

обернувшись через плечо.

Я медленно сделала шаг ей навстречу, неотрывно глядя в ее блеклые,

лишенные жизни глаза.

— Передай своим хозяевам, управляющим и остальным падальщикам в этом

проклятом замке одну простую вещь, — чеканя каждое слово, произнесла я,

приближаясь вплотную. — Да, я здесь не по своей воле. Да, мой род пал, а

мой отец — трус, продавший меня за долги. Но я не скот на заклание, и

дешево шкурой торговать не намерена. Тот, кто решит

проверить меня на

прочность без прямой воли Касселя, очень быстро пожалеет, что вообще

родился на свет и связался со мной. А теперь — вон из моей комнаты. И в

следующий раз стучи, прежде чем войти.

Лицо горничной мгновенно исказилось от дикой ярости, смешанной с шоком.

Человек! Жалкая человеческая девчонка, рабыня, присланная в уплату

долгов ничтожного рода, смела указывать ей, ветерану этого замка, как

себя вести! Она открыла рот, чтобы выплеснуть на меня потоки площадного

мата и угрозы физической расправы, но резко захлопнула его, столкнувшись

с моим взглядом. В этот момент во мне поднялась такая ледяная,

абсолютная ярость, что даже опытная, видавшая виды служанка испуганно

отступила на шаг назад, чувствуя исходящую от меня угрозу.

Тяжелая дверь захлопнулась с грохотом, заставив осыпаться со стен сухую

каменную крошку. Я осталась одна в кромешной темноте.

Но я прекрасно понимала: это была лишь передышка перед неизбежной бурей.

Слухи в вампирском замке распространяются быстрее лесного пожара.

Уже на следующее утро моя дерзость стала главным предметом обсуждения во

всех уголках цитадели. Когда я вышла из своей каморки в поисках воды,

коридоры встретили меня мертвым молчанием. Стражники у постов

демонстративно отворачивались, но их взгляды жгли спину раскаленным

железом. Другие слуги шарахались от меня в стороны, шепча за спиной

проклятия и пророча мне скорую и мучительную смерть. Они ждали, когда

Кассель наиграется со строптивой девчонкой и разрешит им разорвать меня

на куски за проявленное неуважение к порядку замка.

Меня не пустили на общую кухню, оставив голодной. Мне не дали смены

белья. Каждый шаг по замку превращался в прохождение по минному полю. Но

вместо того чтобы забиться в угол и плакать, я методично запоминала

расположение коридоров, посты стражи, тяжелые двери архивов и арсеналов.

Если они думали, что смогут загнать меня в стойло запугиванием, они

глубоко ошибались. Я изучала их дом, их привычки и их слабости.

Кульминация этого внутреннего противостояния наступила на третий день.

Тишину сырого коридора нарушил мерный, тяжелый стук шагов, заставивший

замереть даже крыс по углам. Тяжелая дубовая дверь распахнулась без

стука. На пороге стоял Магнус.

Первый советник Касселя, его правая рука и тень в Совете Домов, Магнус

был существом древним, ядовитым и безупречно жестоким. Его бледное,

точеное лицо казалось высеченным из слоновой кости, а в темных, лишенных

человечности глазах читалась вековая усталость от власти и презрение ко

всему живому. Если Кассель правил силой и холодной волей, то Магнус был

тем серым кардиналом, который очищал замок от неугодных, интриговал за

спиной господина и контролировал каждый вздох прислуги. За его спиной

маячили двое элитных стражей в черных панцирях с вытравленными рунами

Дома.

— Значит, это ты — та самая спесивая девчонка из разорившегося рода,

которая возомнила себя хозяйкой в цитадели Касселя? — процедил Магнус,

медленно заходя в комнату и брезгливо оглядывая убогую обстановку. Его

голос звучал как шуршание пергамента под сухими пальцами. — До меня

дошли любопытные слухи, Илана. Ты не только огрызаешься на челядь, но и

позволяешь себе непозволительную дерзость в присут-

ствии самого главы

Дома. Похоже, твой ничтожный отец забыл объяснить тебе главное правило

этого мира: смертные здесь существуют исключительно для того, чтобы

отдавать свою кровь и молчать в тряпочку.

Я не сдвинулась с места. Я стояла у холодного каменного подоконника,

скрестив руки на груди, и смотрела на этого высшего хищника без

малейшего трепета. Мой пульс участился, адреналин зашкаливал, но внешне

я была воплощением ледяного спокойствия.

— Твой хозяин, Магнус, кажется, сам прекрасно разберётся, кому, когда и

как со мной разговаривать, — ответила я ровно, без тени подобострастия в

голосе. — А если ты пришел сюда, чтобы самоутвердиться

за счет человека

в его отсутствие, то ты не великий советник, а обыкновенный трусливый

надсмотрщик, который трясется за свое кресло.

Магнус замер. На секунду в его мертвых глазах вспыхнул такой чистый,

убийственный огонь ненависти, что воздух в комнате буквально заискрился

от подавляющего ментального давления. Вампир резко сократил расстояние,

оказавшись передо мной в одно мгновение, и его холодная, когтистая рука

с нечеловеческой силой впилась в мое плечо, заставляя задохнуться от

острой боли. Кости затрещали под мощным нажимом.

— Ты слишком много на себя берешь, человеческий мусор, — прошипел он мне

прямо в лицо, брызжа ядовитой слюной. — Хозяин взял

тебя как временную

прихоть, каприз на пару ночей. Но игрушки имеют свойство ломаться,

рваться и отправляться на помойку. Еще одно слово — и я сверну тебе шею

прямо здесь, сказав Касселю, что ты неудачно упала с лестницы. Кто

станет оплакивать какую-то девчонку из нищих должников? Никто даже не

моргнет.

Боль была невыносимой, плечевой сустав казался готовым вывернуться

наизнанку, а перед глазами заплясали черные мушки. Но я стиснула зубы до

хруста в челюсти, не издав ни единого звука, ни единого стона слабости.

Я смотрела на него снизу вверх воспаленными от ярости глазами и кривила

губы в усмешке.

— Сворачивай, — прошептала я сквозь стиснутые зубы, чувствуя вкус

собственной крови на пересохших губах. — Но помни: когда Кассель

вернется и спросит, куда делся его любимый подарок, тебе придется очень

долго, унизительно и неубедительно оправдываться перед ним за

самоуправство. Рискнешь проверить, как сильно он дорожит тем, что

принадлежит ему?

Магнус замер. В его взгляде мелькнуло мгновенное, холодное сомнение. Он

знал крутой нрав своего господина и прекрасно понимал, что даже за порчу

ценного чужого имущества можно поплатиться головой.

Но прежде чем он успел принять решение или усилить

хватку, воздух в

комнате внезапно стал тяжелым, ледяным и звенящим. Температура упала до

минусовых отметок, а тени по углам каморки ожили, сгустившись в

непроглядную, удушливую черноту.

— Убери свои грязные руки от моей собственности, Магнус, — раздался из

темноты тихий, ровный, смертоносный голос Касселя.

Советник вздрогнул так, будто его ударили раскаленным железом, и

мгновенно отпустил мое плечо, отскочив на шаг назад. Его лицо побелело

еще сильнее, а глаза уставились в точку за моей спиной, где из

сгущающейся тьмы материализовался хозяин замка.

Кассель был безупречен и ужасен в своем гневе. Его темный плащ

развевался за спиной, а в расширенных зрачках полыхал чистый, алый огонь

чистокровного хищника, защищающего свою территорию. Он даже не смотрел

на Магнуса — его тяжелый, прожигающий взгляд был прикован ко мне,

оценивая состояние моего плеча и след от пальцев советника на бледной

коже.

— Я... я просто хотел преподать ей урок субординации, мой господин, —

залепетал Магнус, теряя всю свою спесь и опуская глаза долу перед

холодным гневом господина. — Она позволяет себе непростительную

дерзость...

— Я сам разберусь, кому, когда и какие уроки преподавать в моем

собственном замке, Магнус, — перебил его Кассель. Его голос был тихим,

шелковистым, но в нем звенела такая сталь, от которой у любого вампира

замерло бы сердце. — Покинь мои покои. И если я еще хоть раз увижу тебя

в этом крыле без моего прямого приказа — следующий урок субординации

буду преподавать тебе я лично. На плахе.

Магнус поклонился в пояс и, пятясь, выскочил из комнаты вместе со

стражей, захлопнув за собой дверь.

Мы остались вдвоем в тесной каморке. Тишина стала звенящей и тяжелой.

Кассель медленно шагнул ко мне. Его лицо было непроницаемой маской

холода, но в груди клокотал невысказанный шторм. Он остановился в шаге

от меня, протянул руку и кончиками длинных холодных

пальцев осторожно

коснулся саднящего плеча там, где остался синяк от хватки Магнуса.

— Ты сумасшедшая, Илана, — тихо выдохнул он, и в его голосе странным

образом смешались злость, раздражение и глухое изумление. — Ты ходишь по

лезвию ножа, провоцируя всех вокруг на расправу. Почему ты не закричала?

Почему не позвала стражу?

Я резко отпрянула от его прикосновения, выпрямилась во весь рост и

посмотрела ему прямо в глаза, не пряча ни боли, ни вызова:

— Потому что звать на помощь перед твоими псами — значит расписаться в

собственной слабости. А я не собираюсь перед ними пресмыкаться. Если уж

погибать в этом твоем проклятом замке, Кассель, то стоя

на ногах, а не

на коленях у чужих ног. И заруби себе на носу: я твоя вещь ровно

настолько, насколько сама позволю этому быть.

Кассель замер, глядя на меня долгим, изучающим взглядом. Уголки его губ

едва заметно дрогнули в подобии опасной, мрачной улыбки. Он понял:

сломить эту женщину грубой силой, страхом или унижениями не получится.

Она была выкована из совершенно другого металла. И эта игра переходила

на совершенно новый, смертельно опасный уровень для них обоих.

Глава 3. Отражение в зеркале боли

Тишина, оставленная после ухода Касселя, звенела в ушах еще долго. Я

стояла посреди убогой каморки, прижимая ладонь к саднящему плечу, где

под кожей расплывался багрово-синий ушиб от пальцев Магнуса. Боль была

острой, но она мне даже нравилась — она заземляла, возвращала в

реальность и доказывала главное: я жива. Я не сломалась под прессом их

безупречной, ледяной жестокости.

Кассель оставил после себя шлейф тяжелого морозного воздуха и странное,

почти осязаемое ощущение незавершенности. Он пришел не для того, чтобы

наказать меня за дерзость перед советником. Он защитил

меня. Не из

милосердия и не из жалости — в этом логове не знали подобных

сантиментов. Он сделал это исключительно из чувства собственнического

инстинкта. Его вещь посмел тронуть кто-то другой без его позволения. И

эта мысль одновременно бесила меня и давала хрупкое, опасное

преимущество. Если они считают меня имуществом, я заставлю их бояться

посягать на чужое имущество.

Прошло три дня с момента визита Магнуса. За это время режим моего

заточения не смягчился ни на йоту, но атмосфера вокруг изменилась

кардинально. Слуги больше не смотрели на меня с открытым презрением —

теперь в их глазах читался суеверный, липкий страх. Слух о том, что сам

первый советник схлопотал публичную пощечину от хозяина за попытку

прикоснуться ко мне, разлетелся по замку со скоростью лесного пожара.

Никто больше не осмеливался подходить к моей двери или устраивать мелкие

пакости. Меня изолировали, но оставили в покое.

На четвертую ночь за мной пришли.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял молодой страж в черном

мундире с серебряным шитьем на воротнике — личный гонец Касселя. На его

бледном лице застыло выражение напряженной готовности.

— Хозяин требует твоего присутствия в личных покоях, — бросил он

коротко, даже не глядя мне в глаза. — Живо.

Я не стала спорить или затягивать время. Расправила плечи, глубоко

вдохнула затхлый воздух каморки и шагнула за ним в темноту коридоров.

Мы поднимались всё выше и выше, в самое сердце цитадели, куда не

долетали звуки замковой суеты. Здесь стены были обиты темным деревом,

полы покрыты тяжелыми коврами, приглушающими шаги, а воздух был густым

от аромата дорогих благовоний и старого вина. Гонец остановился у

массивных резных дверей главного кабинета, молча кивнул в сторону

прохода и растворился в тени перехода, будто его здесь никогда и не

было.

Я толкнула тяжелую створку сама.

Кабинет Касселя поражал воображение своими масштабами. Огромное

полукруглое помещение с панорамными стрельчатыми окнами открывало вид на

бескрайние, усыпанные ледяными звездами горные хребты. В камине бушевал

огонь, отбрасывая причудливые алые тени на ряды книжных шкафов, уходящих

под самый потолок. Сам Кассель сидел в глубоком кожаном кресле у очага,

с бокалом багрового вина в длинных пальцах. На нем не было парадного

сюртука — только расстегнутая на верхние пуговицы черная рубашка,

открывающая бледную, идеальную кожу шеи и ту самую роковую метку от моих

зубов четырехдневной давности.

Он не сразу поднял на меня взгляд. Дал мне прочувство-

вать вес этого

пространства, свою власть над каждым квадратным сантиметром камня и

воздуха.

— Подойди ближе, Илана, — произнес он наконец. Его голос звучал тихо, но

в тишине огромного зала отражался гулким эхом.

Я не двинулась с места. Я стояла у порога, засунув руки в складки

простого серого платья, и смотрела на него исподлобья.

— У тебя слишком много требований для того, кого привели сюда на цепи, —

холодно ответила я, чеканя каждое слово. — Хочешь говорить со мной —

поднимись сам или говори громче. Бегать на побегушках я не стану.

Уголки его губ дрогнули в подобии мрачной, опасной усмешки. Кассель

медленно поставил бокал на резной столик, поднялся из

кресла и сделал

шаг мне навстречу. Его движение было плавным, завораживающим и абсолютно

бесшумным — как у большой кошки, готовящейся к прыжку.

Он сокращал расстояние медленно, давая мне прочувствовать каждый

сантиметр нарастающего напряжения. Когда между нами остался всего один

шаг, он остановился. От него веяло холодом ночи, дорогим табаком и той

непреодолимой, давящей силой, от которой у любого смертного

подкашивались бы колени.

Но не у меня. Я подняла подбородок и встретила его взгляд в упор.

— Ты чертовски дерзкая для человека, который находится в самом логове

врага, — тихо проговорил Кассель, наклоняясь ближе, так

что его дыхание

коснулось моих волос. — Магнус до сих пор бесится из-за того инцидента.

Весь Совет шепчется о том, что человеческая девчонка крутит главой Дома

как хочет. Ты понимаешь, что своей выходкой подписала себе смертный

приговор в глазах остальных старейшин?

— А разве моя жизнь здесь изначально стоила хоть ломаного гроша? —

парировала я мгновенно, не моргнув глазом. — Меня привели сюда на убой,

Кассель. Меня продал собственный отец, меня презирает ваша челядь, а

ваши советники спят и видят, как бы свернуть мне шею в темном углу. Мне

нечего терять. И если уж умирать, то точно не по вашей указке.

Кассель молчал несколько секунд. Его темные глаза изучали мое лицо с

таким сосредоточенным вниманием, будто он пытался разглядеть изнанку

моей души. Внезапно его холодная рука скользнула вверх, но на этот раз

без угрозы или грубости. Его длинные пальцы легли мне на шею, ровно

туда, где пульсировала кровь, касаясь заживающей раны.

От его прикосновения по спине пробежала крупная дрожь — не от страха, а

от дикой, обжигающей волны адреналина. Тело среагировало быстрее разума,

напомнив мне о том, кто он и кто я.

— Ты ошибаешься, Илана, — прошептал он совсем близко, его губы почти

касались моего виска. — Ты не на убое. Ты — моя личная собственность. А

свое имущество я никому не позволяю портить. Магнус получил

предупреждение. Следующий, кто на тебя косо посмотрит, лишится головы.

Но взамен я хочу кое-что получить от тебя.

Я напряглась всем телом, чувствуя, как ловушка захлопывается.

— Чего еще? — выдавила я сквозь стиснутые зубы.

Кассель отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть мне прямо в глаза.

На его лице больше не было маски холодного высокомерия — там читался

чистый, неразбавленный азарт хищника, нашедшего достойного соперника в

этой бесконечной игре на выживание.

— Правду, — произнес он. — Расскажи мне, почему яд моего укуса не

парализует тебя? Что ты такое, Илана из рода Иларионов?

— Мечтаешь узнать, в чем мой секрет? — Я криво усмехнулась, не сделав ни

шагу назад, хотя его пальцы все еще жгли кожу на моей шее ледяным током.

— А ты попробуй забрать эту правду силой, Кассель. Или твой хваленый

древний род умеет выбивать ответы только из покорных кукол, которые

падают перед вами на колени при первом же оголении клыков?

Его глаза мгновенно сузились, превратившись в две узкие щели, на дне

которых вспыхнул опасный алый огонь. Хватка на моей шее чуть усилилась —

не настолько, чтобы сломать кость, но достаточно, чтобы я ощутила каждую

границу его нечеловеческой силы.

— Ты играешь со смертью, Илана, — прошипел он. Голос опустился до едва

слышного, вибрирующего рыка, от которого резонировал

сам камень пола под

нашими ногами. — Ты думаешь, что твоя невосприимчивость к ферменту

делает тебя неприкосновенной? Уязвимым тебя делает не иммунитет, а твоя

гордость.

— Моя гордость — это единственное, что у меня осталось после того, как

твой Дом обобрал мою семью до нитки! — Я сделала шаг вплотную к нему,

вынуждая его запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть мне прямо в

глаза. Мое дыхание сбилось, но голос не дрогнул. — У меня нет ответа,

который ты хочешь услышать. В моих венах нет древней магии, я не пила

противоядий и не плела заговоров. Я просто ненавижу вас всех слишком

сильно, чтобы позволить какому-то яду туманить мой разум, когда меня

жрут живьем.

Тишина, воцарившаяся в кабинете, стала настолько плотной, что казалась

осязаемой. Каминный треск оголившихся поленьев прозвучал подобно

выстрелу.

Кассель медленно разжал пальцы. Его рука плавно опустилась, но он не

отступил. Напротив, он наклонился еще ниже, останавливаясь в каком-то

миллиметре от моих губ. Я ощущала морозный запах его дыхания, смешанный

с ночным воздухом и едва уловимым металлическим оттенком.

— Ненависть? — прошептал он, и в его голосе прозвучало не раздражение, а

темное, гипнотическое изумление. — Ты думаешь, чистая ярость способна

сжечь нейротоксин, выработанный веками эволюции нашего вида?

— Проверь, — бросила я ему прямо в лицо. Вызов был откровенным,

граничащим с безумием. Мое сердце колотилось о ребра, как бешеное, но я

не отвела взгляда. — Возьми еще раз. Пей прямо сейчас. И посмотри,

закрою ли я глаза.

Уголки его губ медленно растянулись в хищной, жестокой улыбке. Это был

огонь, столкнувшийся с порохом.

Он не стал мешкать. Его ладонь молниеносно обхватила мой затылок, пальцы

вплелись в волосы, заставляя меня запрокинуть голову. В следующее

мгновение его клыки с сокрушительной силой впились в

раненую плоть на

шее — прямо по старому следу, без малейшей пощады.

Боль прожгла тело насквозь, от затылка до кончиков пальцев на ногах. Это

было похоже на расплавленный свинец, вливающийся в вены. Я задохнулась,

пальцы сами собой впились в ткань его тонкой рубашки, разрывая нити у

ворота. Яд хлынул в кровь, пытался связать мысли, погрузить сознание в

липкий, сладкий туман покорности, но реакция моего организма была

беспощадной: вместо отключения сенсоров мозг взрывался от невероятной,

кристально чистой остроты ощущений.

Я чувствовала каждый глоток, который он делал. Чувствовала, как ритмично

пульсирует его горло, как его тело напрягается от тяжело-

го, почти

животного наслаждения.

И я не закрыла глаза.

Я смотрела на него сквозь пелену выступивших слез боли. Мой взгляд был

прикован к его зрачкам, затопленным тьмой и алым отблеском. Я видела,

как в его глазах меняется выражение — от холодной самоуверенности к

дикому, необузданному потрясению. Он пил мою кровь, но вместо контроля

терял его сам. Контакт наших взглядов жг сильнее, чем разрываемая плоть.

Кассель стонал тихо, на грани слышимости — звук, вырвавшийся из самой

глубины его груди, полный ярости и неописуемого голода. Его кровь

закипала в ответ на мою. Укус затягивался, превращаясь из демонстрации

власти в хаотичный, опасный акт зависимости.

Когда он наконец вырвал клыки из моей шеи, он тяжело дышал, удерживая

меня за плечи, чтобы я не упала. Я покачнулась, ноги стали ватными от

потери крови, но я сжала кулаки и заставила себя устоять на месте.

На его губах алела моя кровь. Он провел по ним языком, не сводя с меня

дикого, помутневшего взгляда.

— Ты не лгала, — выдохнул он, и в его голосе впервые прорезалась

неконтролируемая страсть, смешанная с опасным признанием. — Твой разум

цел.

— Я никогда... не лгу... монстр, — прохрипела я, вытирая капли крови с

подбородка тыльной стороной ладони. — А теперь ответь мне... ты получил

то, что хотел? Или тебе нужно больше?

Кассель молча смотрел на меня. В этот момент граница между хозяином и

рабыней разорвалась окончательно. Он понял, что нашел не просто редкий

источник крови — перед ним стоял единственный человек в этом мире,

способный смотреть ему в глаза во время падения.

Глава 4. Тени на мраморе

Дверь за моей спиной закрылась с глухим, свинцовым стуком, отрезая

гулкие, чеканящие шаги стражников в коридоре. Воздух в моей каморке

казался наэлектризованным до звона в ушах, а на сгибе шеи горячим,

пульсирующим ожогом отдавалась свежая рана. Я обессиленно опустилась на

край скрипучей железной кровати, прижимая дрожащие пальцы к месту укуса,

где кожа еще дымилась фантомным жаром.

Это убогое помещение, выделенное мне в гостевом крыле для прислуги,

трудно было назвать комнатой. Голые, сочащиеся зеленоватой плесенью

каменные стены давили со всех сторон, сужая простран-

ство до размеров

могильного склепа. Единственное узкое окно, забранное толстыми коваными

прутьями, выходило на отвесную черную скалу, полностью перекрывая доступ

к небу и солнечному свету — здесь не было дня, здесь царила лишь вечная,

глухая ночь. На полу валялся облезлый серый коврик, пропахший сыростью и

тлением, а в углу стояла скрипучая койка с жестким, спрессованным

тюфяком, на котором невозможно было согреться.

Но в этот момент стены каморки меня не волновали. Внутри меня бушевал

куда более страшный шторм.

Он отпустил меня. Не запер в глубоком подземелье на цепь, не приказал

страже разорвать за дерзость — просто отпустил после то-

го, как мы

сошлись в этом безумном, разрушительном поединке воли. Мысль об этом

жгла сильнее вампирского яда. Кассель больше не воспринимал меня как

бессловесную вещь, списанную со счетов за отцовские долги. Я

превратилась для него в занозу, в живую загадку, которую невозможно

разломать грубой силой, и оттого его интерес становился всё более

опасным, почти осязаемым. Я чувствовала себя канатоходцем, который идет

над пропастью без страховки: одно неверное движение, один фальшивый

вздох — и меня не станет. Но от этого осознания по венам вместо страха

растекалсяпьянящий, злой адреналин. Я была жива. Я сопротивлялась.

Утром следующего дня хрупкая тишина замка раскололась вдребезги.

В мою дверь не постучали — ее выбили с ноги так, что затрещали петли. На

пороге вырос молодой страж в серебряном мундире младшего лейтенанта, чье

бледное, выточенное из камня лицо искажала брезгливая гримаса. За его

широкой спиной маячили двое бойцов элитного конвоя с тяжелыми арбалетами

наперевес, нацеленными прямо на меня.

— Собирайся, смертная, — процедил лейтенант, с откровенным отвращением

окинув взглядом мое простое платье. — Первый советник Магнус требует

твоего присутствия в Малом зале совета. И советую не испытывать наше

терпение — за неподчинение здесь убивают на месте.

Я медленно поднялась с кровати. Тело после ночной потери крови еще ныло,

каждый вдох отдавался тупой болью в ребрах, но внутри закипала та самая

ледяная ярость, что помогала мне выживать все эти дни в логове чудовищ.

Никакой паники. Если Магнус решил воспользоваться отсутствием Касселя,

чтобы избавиться от меня исподтишка, он сильно удивится тому, как дорого

я продам свою шкуру. Я не сдамся без крови.

Коридоры тянулись бесконечной, унылой серой лентой, освещенной лишь

чадящими факелами. Нас вели не в парадные апартаменты хозяина, а вглубь

цокольных этажей, куда не проникали звуки замковой жизни. Здесь пахло

старой кровью, сыростью и испариной векового камня. Малый зал совета

представлял собой мрачное, круглое помещение с низким сводчатым потолком

и массивным столом из черного полированного гранита посередине.

Магнус восседал во главе стола. Его длинные, бледные пальцы ритмично и

раздражающе постукивали по каменной поверхности. По обе стороны от него

расположились трое старейшин Дома — древние вампиры с потускневшими от

веков глазами и застывшими на лицах масками высокомерного презрения.

Конвоиры грубо толкнули меня в спину, заставляя сделать несколько шагов

вперед и остановиться в самом центре ледяного круга.

— Вот она, — голос Магнуса прозвучал сухо, как шуршание сухих листьев на

могильной плите. Он даже не удосужился посмотреть на меня прямо,

разглядывая собственный перстень с тусклым рубином. — Смертная девчонка,

из-за которой в нашем Доме начались опасные брожения. Которая позволяет

себе распускать язык на прислугу и ставить под сомнение авторитет высших

чинов.

— Я никому не дерзила, — мой голос прозвучал четко, звонко отражаясь от

сводов, разрезая тяжелую атмосферу залы. — Я лишь защищала себя от тех,

кто привык самоутверждаться за чужой счет, прикрываясь чужими титулами.

Один из старейшин справа от Магнуса медленно повернул голову. Его губы

растянулись в тонкую, злую усмешку, обнажающую белизну длинных клыков.

— Смотрите-ка, скот подал голос, — прошелестел он с издевкой. — Кассель

явно переборщил, позволив этой девчонке слишком многое. Привезти сюда

должницу — обычное дело. Но позволить ей возомнить себя равной

аристократам — прямая угроза для устоявшегося порядка всего Дома. По

законам крови мы имеем полное право очистить цитадель от дерзкого

мусора, который разлагает дисциплину стражи.

Магнус медленно поднял глаза. В них отчетливо читалось торжество

хищника, загнавшего жертву в угол в отсутствие хозяина.

— Хозяин отсутствует по делам Совета в столице, — мягко, почтикрадучись

произнес советник, поднимаясь из-за стола и делая шаг ко мне. — И

вернется нескоро. У нас есть прекрасная возможность исправить ошибку его

минутного каприза. Никто в этом мире не станет оплакивать человеческую

девчонку, случайно погибшую при попытке к бегству или нападении на

стражу.

Стражники за моей спиной синхронно сделали шаг вперед, лязгнув тяжелыми

латами. Путь к отступлению был наглухо отрезан.

Но вместо того чтобы отступить, сжаться в комок или начать умолять о

пощаде, я выпрямилась во весь рост, расправила плечи и посмотрела

Магнусу прямо в глаза. Внутри меня не было ни единой капли страха — лишь

чистая, звенящая сталь.

— Попробуйте, — тихо произнесла я, и в моем голосе прозвучала такая

угроза, что приближающийся Магнус на секунду непроизвольно замер. —

Только помните: когда Кассель вернется и узнает, что вы уничтожили его

собственность за его спиной из-за мелкой мести и уязвленного самолюбия,

он не станет разбираться, кто из вас старейшина, а кто советник. Он

просто вырвет вам сердца на этом самом гранитном столе. Вы боитесь его

гнева, Магнус. Именно поэтому вы спешите избавиться от меня сейчас, пока

его нет в замке. Вы трус, прикрывающийся чужими законами.

Лицо советника мгновенно исказилось от дикой, неконтролируемой ярости.

Вся его напускная маска ледяного превосходства рухнула в один миг,

обнажая уродливую сущность древнего существа, которого публично ткнули

носом в его собственный страх.

— Заткни ей пасть! — взвизгнул Магнус, резко взмахнув рукой. — Разорвите

ее на куски!

Двое конвоиров бросились на меня с обнаженными клинками, блеснувшими в

тусклом свете факелов. Но в этот самый микросекундный момент воздух в

Малом зале внезапно сгустился до плотности камня. Температура рухнула

вниз с такой чудовищной скоростью, что на каменных плитах под нашими

ногами мгновенно распустились морозные узоры. Тяжелые дубовые двери зала

со страшным, оглушающим грохотом распахнулись настежь, и из клубящейся

за ними ледяной тьмы раздался голос, от которого у каждого

присутствующего вампира заледенела кровь в венах:

— Кто смеет отдавать приказы в моем замке в мое отсутствие?

Голос Касселя ударил по сводам Малого зала подобно раскату грома.

Время словно замерло. Двое стражников, секунду назад летевших ко мне с

обнаженными клинками, застыли на полуслове, их мечи занеслись над

головой, но довершить движение они уже не смели. Магнус, еще мгновение

назад пышущий спесивой яростью, побелел так, что его лицо стало

неотличимо от мраморной плиты под ногами. Старейшины за столом синхронно

вжались в массивные кресла, ощущая, как по залу волной расходится

убийственная аура чистокровного хищника, прервавшего чужую охоту на его

территории.

Из клубящегося ледяного тумана в проеме дверей появился Кассель.

На нем не было дорожного плаща — лишь темный мундир высшей аристократии

Дома, расстегнутый на верхнюю пуговицу, и перчатки из мягкой кожи, на

которых еще мерцал остаточный иней ночного перехода. Его шаги были

бесшумными, но каждый удар подошвы о камень отдавался в груди каждого

присутствующего ударом погребального колокола. Он не смотрел на стражу.

Его глаза, потемневшие до абсолютной черноты с полыхающим на дне алым

заревом, были прикованы исключительно к Магнусу.

Кассель шел медленно, давая каждому в этом зале прочувствовать

неизбежность расплаты.

— Я оставляю замок на пару дней, доверяя управление тем, кто поклялся

защищать законы Дома, — тихо, вкрадчиво произнес Кассель, останавливаясь

в шаге от остолбеневшего первого советника. Его голос был обманчиво

спокойным, но в этой тишине таилась энергия взведенной пружины. — И что

я вижу по возвращении? Мои приближенные устраивают самосуд в

подземельях, решая судьбу того, кто принадлежит мне. Вы решили, что раз

меня нет на месте, то можете безнаказанно распоряжаться моей

собственностью?

Магнус сглотнул вязкую слюну. Его дыхание стало частым, а пальцы

судорожно вцепились в край каменного стола.

— Мой... мой господин, — выдавил советник, опуская глаза и пытаясь

удержать остатки достоинства. — Эта смертная перешла все мыслимые

границы. Она позволила себе открытую дерзость перед Советом, она

разлагает дисциплину... Мы лишь хотели восстановить порядок в цитадели,

пока вы заняты более важными делами...

— Порядок? — перебил его Кассель. Слово прозвучало как лязг гильотины.

В следующее мгновение движение было настолько молниеносным, что

человеческий глаз не успел его зафиксировать. Кассель сократил

расстояние, его рука метнулась вперед, и длинные пальцы

в кожаной

перчатке впились в горло Магнуса, с силой вминая советника в

полированный гранит стола. Массивный стол треснул под ударом, разлетаясь

паутиной трещин.

Магнус захрипел, его ноги оторвались от пола. Древний вампир, способный

разорвать человека голыми руками, в руках своего господина выглядел

беспомощной куклой, у которой вырвали позвоночник.

— Порядок в этом замке устанавливаю я, — прошептал Кассель прямо в

искаженное от ужаса лицо советника. — Не Совет, не старейшины, и уж тем

более не ты, Магнус. Ты переступил черту. Ты попытался уничтожить то, к

чему не имеешь права даже прикасаться.

Старейшины вскочили со своих мест, бледные и дрожащие. Один из них

попытался сделать шаг вперед: — Кассель, одумайся! Магнус долгие годы

служил твоему роду...

— Еще один шаг, и ты отправишься следом за ним, — не оборачиваясь,

бросил Кассель, бросив на старейшину такой взгляд, что тот мгновенно

рухнул обратно в кресло, затаив дыхание.

Кассель медленно разжал пальцы. Магнус рухнул на каменный пол, хватая

ртом воздух, содрогаясь от кашля и судорожно зажимая руками

изуродованное горло.

Хозяин замка не удостоил его больше ни единым взглядом. Он повернулся ко

мне.

Его тяжелый, прожигающий взгляд прошелся по моему

лицу, оценивая каждую

деталь, каждую царапину, убеждаясь, что я стою на ногах и не сломалась

под этим прессом. На секунду в его темных глазах мелькнуло что-то

похожее на темное, яростное удовлетворение.

— Илана, — произнес он, и от звука моего имени в пустом зале у меня по

спине побежали мурашки. — Идем со мной.

Он не стал дожидаться моего ответа. Развернувшись на каблуках, он

зашагал к выходу из Малого зала, оставляя за спиной дрожащих старейшин и

повергнутого в пыль советника.

Я не сдвинулась с места наотмашь, гордо выпрямив спину. Я посмотрела на

скорчившегося на полу Магнуса, на побелевших старейшин, которые еще

минуту назад выносили мне смертный приговор, а теперь боялись поднять

глаза. Маленькая победа в этой бесконечной войне за выживание была за

мной.

— Я не на привязи, Кассель, чтобы ходить за тобой по команде, — бросила

я ему в спину громко и отчетливо.

Шаги Касселя замерли. Он медленно обернулся через плечо, и на его губах

расцвела та самая опасная, темная усмешка, от которой у меня внутри всё

сжалось в тугой узел.

— Это пока, Илана, — тихо ответил он. — Это пока.

Я не сдвинулась с места по его первому зову, но и задерживаться в этом

остывающем склепе, полном испуганных крыс в дорогих одеждах, больше не

имело смысла. Магнус все еще хрипел на полу, судорожно

втягивая воздух

избитыми легкими, а старейшины боялись даже вздохнуть громче

положенного. Поединок был выигран, но война только набирала обороты.

Я гордо вскинула подбородок и сама двинулась к выходу, демонстративно

проходя мимо замершего в дверях Касселя. Когда я поравнялась с ним, он

не сделал попытки схватить меня или принудить — он просто развернулся и

пошел следом, шаг в шаг, тяжело и неотвратимо, как тень, от которой

невозможно скрыться.

Мы поднимались в личные покои хозяина замка в абсолютном молчании.

Коридоры казались вымершими: слуги, завидев приближение Касселя,

растворялись в нишах стен, боясь попасться ему под горячую руку.

Когда тяжелые дубовые створки его кабинета захлопнулись за нами, отрезая

внешний мир, напряжение в комнате достигло предела. Воздух здесь пах

ледяным морозным ветром с гор, старым табаком и дорогим вином.

Кассель не стал садиться в кресло. Он медленно снял кожаные перчатки,

бросил их на массивный стол и повернулся ко мне. В тусклом свете камина

его лицо казалось изваянием из черного мрамора, но глаза полыхали

опасным, нерастраченным пламенем.

— Ты любишь ходить по лезвию, Илана, — произнес он тихо. Его голос

стелил по комнате, густой и вязкий, как патока. — Магнус и старейшины

ждали любой оплошности, чтобы разортать тебя на куски, а ты сама сунула

голову в пасть льву, устроив им публичную истерику.

— Я не устраивала истерик, — отрезала я, скрестив руки на груди и

отступая к книжным шкафам, чтобы не сокращать дистанцию между нами. — Я

защищала себя там, где твои же крысы решили устроить расправу за твоей

спиной. Если твой замок напоминает серпентарий, где каждый норовит

вцепиться в глотку слабому, то вопросы нужно задавать не мне, а тому,

кто установил здесь такие правила.

Кассель замер. Он смотрел на меня долгим, изучающим взглядом, в котором

смешивались раздражение и темное, почти хищное восхищение.

— Мой замок — это мир чистой силы, — шагнул он ко

мне. Его движения были

плавными, гипнотическими. Я не отступила, хотя спина уже уперлась в

холодную обложку фолианта на нижней полке. — Здесь нет места

справедливости или жалости. Здесь есть только те, кто подчиняет, и те,

кто подчиняется. Ты попала сюда как должница, как товар, заложенный за

чужие грехи. Но с каждой минутой упорствуешь так, будто владеешь

половиной этого мира.

Он остановился всего в нескольких сантиметрах от меня. От него веяло

холодом и такой абсолютной, непреодолимой властью, что у любого другого

смертного уже подкосились бы колени.

— Я не просила привозить меня сюда, — выдохнула я ему

в лицо, не опуская

глаз. — И если ты думаешь, что сломаешь меня своими законами, заставишь

ползать на коленях или трепетать перед твоими старейшинами, то ты

глубоко ошибаешься, Кассель. Мой род рухнул, да. Но я сама — нет.

На секунду в его темных глазах вспыхнуло что-то дикое, сжигающее все

преграды. Его рука метнулась молниеносно — не для того, чтобы ударить, а

чтобы зарыться пальцами в мои волосы на затылке, жестко фиксируя голову.

Он притянул меня ближе, так близко, что наши губы разделяли считанные

миллиметры, а его дыхание смешалось с моим.

— Сломать тебя? — его голос прозвучал хрипло, на самой грани срыва. —

Нет, Илана. Ломать такую сталь — пустая трата времени. Я хочу

посмотреть, как ты добровольно отдашь мне то, что прячешь за этой

ледяной броней.

— Никогда, — прошептала я, чувствуя, как от близости его тела по жилам

начинает растекаться предательский, обжигающий огонь.

— Скоро, — возразил он тихо, и его губы накрыли мои с требовательной,

неумолимой силой, в которой смешались ярость, страсть и признание

равенства.

Глава 5. Железо и шелк

Поцелуй не был проявлением нежности — он был продолжением войны.

Его губы обжигали холодом, требуя немедленной, беспрекословной

покорности, к которой он привык за века своего господства. Кассель брал

свое с правдивой, животной жестокостью хищника, привыкшего рвать плоть и

подчинять чужую волю одним лишь движением брови. Его пальцы, жестко

вплетенные в мои волосы, натягивали пряди до тупой боли в скальпе,

вынуждая меня запрокинуть голову еще сильнее.

Но я не обмякла. Я не закрыла глаза и не издала ни единого жалобного

звука.

Задохнувшись от вспыхнувшей внутри дикой, первобыт-

ной ярости, я ответила

на этот поцелуй так же, как отвечала на каждый его укус — наотмашь, с

ледяным ядом и бешеным напором. Мои ладони, упершиеся в его широкую

грудь, впились ногтями в плотную ткань темного мундира, буквально

разрывая нити у воротника. Я впилась своими зубами в его нижнюю губу —

со всей дуры, до хруста, до того момента, пока во рту не разлился

густой, горячий, металлический привкус чужой, чистокровной крови.

Кассель глухо, горлом рыкнул. Этот звук, вырвавшийся из самой глубины

его груди, был полон тёмного, необузданного восторга. Он отстранился

лишь на миллиметр, но не отпустил моих волос.

На его тонкой, бледной губе алела ровная капля крови. Он медленно провел

по ней языком, слизывая ее, и его глаза в тусклом свете камина зажглись

сумасшедшим, абсолютным алым огнем.

— Дикая, — выдохнул он мне прямо в губы, и в его голосе впервые

прорезались нетипичные для него рваные, неконтролируемые ноты. —

Совершенно безумная. Ты кусаешь того, кто может стереть твой род из

истории одним взмахом руки.

— Пусть попробует, — выдохнула я сквозь стиснутые зубы, ощущая, как

сердце колотится о ребра со скоростью набатного колокола, а по жилам

вместе с адреналином гуляет настоящий пожар. — Твои законы кровной

иерархии на меня не действуют, Кассель. Твой яд меня не берет. Твой

страх на меня не действует. Чем еще ты сопоставишь мою ненависть?

— Ненависть? — Кассель усмехнулся, но в этой усмешке не было привычного

высокомерия. Это была оскаленная гримаса игрока, который встретил

соперника, способного спутать все его карты. — Ты так красиво лжешь

самой себе, Илана. Твоя ненависть держит твой хребет прямым, но твой

пульс... Твой пульс сейчас готов пробить мне барабанные перепонки. Это

не только ярость.

Он медленно опустил вторую ладонь мне на талию, притягивая вплотную к

своему каменному, неподвижному телу. Через тонкую ткань серого платья я

ощутила всю мощь его мышц, всю опасную, нечеловеческую силу, затаившуюся

под черным сукном.

— Ты боишься не меня, — прошептал он, нагибаясь к моему уху, так что его

дыхание ожгло чувствительную кожу за мочкой. — Ты боишься того, что твое

собственное тело предает тебя каждый раз, когда я оказываюсь рядом. Ты

чувствуешь эту химию, Илана. Она жжет тебя изнутри не меньше, чем меня.

Я сжала кулаки до побелевших костяшек. Он был прав, и от этого осознания

хотелось закричать. Каждое его прикосновение вызывало не просто протест

— оно выбивало воздух из легких, заставляя внутренности сжиматься в

тугой, мучительный узел. Это была дикая, порченая

страсть, выкованная из

боли, крови и взаимного вызова.

— Ты можешь выдумывать любые сказки, чтобы тешить свое самолюбие, — я с

трудом заставила свой голос звучало ровно, хотя дыхание предательски

сбивалось. — Но я здесь только потому, что меня продали. И пока ты не

убьешь меня или я не найду способ вырваться из этой золоченой клетки, я

буду костью в твоем горле. Каждый день. Каждую ночь.

Кассель молча смотрел на меня несколько долгих секунд. Затем его хватка

на моих волосах ослабла. Пальцы плавно скользнули по моей шее,

задерживаясь на пульсирующей жилке, после чего он сделал шаг назад,

разрывая наш опасный телесный контакт.

Холод комнаты мгновенно вернулся, заполняя пространство между нами.

— Вырваться? — он обошел свой стол и не спеша налил себе из хрустального

штофа темно-рубиновую жидкость. — За стенами этого замка у тебя ничего

нет, Илана. Твой род разорен. Твой отец сбежал в южные провинции,

спасаясь от кредиторов. Твои земли перешли во владение Совета. Если ты

выйдешь за эти ворота без моей защиты — тебя разорвут в первой же

деревне-доноре за твою аристократическую кровь. Или Магнус найдет тебя

через пару часов и выпьет досуха в ближайшем овраге.

Каждое его слово било точно в цель, обнажая жестокую реальность. Я знала

это. Знала, что за стенами цитадели для меня нет спасения. Но слышать

это от него было невыносимо.

— Значит, я создам свои правила прямо здесь, — отрезала я.

— Попробуй, — Кассель сделал небольшой глоток из бокала, смотрит на меня

поверх хрустального края с затаенным вызовом. — Начиная с этого дня ты

больше не вернешься в каморку слуг.

Я насторожилась, выпрямив спину: — Что это значит?

— Это значит, что гостевое крыло восточной башни теперь в твоем полном

распоряжении, — спокойно проговорил он. — Там есть нормальная постель,

ванна, книги и одежда. Ты больше не будешь гнить в сырости, давая

поворот Магнусу считать тебя лёгкой добычей. Но запомни: это не подарок

и не милосердие. Это статус моей личной собственности. Ты должна

выглядеть так, чтобы ни у одного упыря в этом замке не возникло

сомнений, чья рука держит твой повод.

— Я не ношу чужие поводки, — процедила я.

— Ты уже его носишь, — Кассель поставил бокал и указал рукой на дубовую

дверь. — А теперь иди к себе. Завтра вечером в Главном зале состоится

приём Совета Домов. И ты будешь там стоять подле меня. Чтобы весь замок

видел, кого они попытались приговорить в мое отсутствие.

Я смело встретила его взгляд, не сделав ни единого поклона.

— Я буду там, Кассель. Но не удивляйся, если этот твой прием превратится

в кровавую бойню.

Уголки его губ тронула темная, довольная улыбка: — Я на это очень

рассчитываю, Илана. Иди.

Глава 6. Багровый шелковый саван и тяжесть взглядов

Утро следующего дня началось не с лучей солнца — солнце не смело

смотреть на цитадель Касселя сквозь плотную пепельную завесу предгорий,

— а с глухого стука в дверь новых покоев.

Восточная башня разительно отличалась от сырой каморки внизу. Здесь

пахло сухим кедром, растопленным камином и дорогим парфюмом на основе

горьких трав. Высокое стрельчатое окно с витражами из черного стекла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.